

Е. Ю. Юрченкова

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТОПОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Исследуется именование растений по признаку места произрастания. Анализу подвергаются диалектные и наддиалектные фитонимы, входящие в состав русской и немецкой народных ботанических номенклатур и образованные от наименований животных посредством метонимических переносов. Выявляются общие и специфические основания таких переносов. Показаны сходства и различия этнокультурных представлений русских и немцев о мире животных и влияние этих представлений на топонимическую номинацию растений.

Ключевые слова: номинация, топоним, метонимический перенос, название растения (фитоним), название животного (зооним), этнокультура, народная ботаническая номенклатура.

Процесс познания человеком окружающего мира сопровождается созданием разнообразных языковых знаков, которые позволяют ориентироваться в этом мире, накапливать и передавать знания о нем. Именованию, или номинации, подвергаются самые различные объекты – природные и рукотворные, живые и неживые. Одним из таких объектов являются растения, контакт с которыми приводит к возникновению в языке системы специальных наименований – фитонимов. Накопление знаний о мире растений способствует расширению и детализации отношений внутри системы, т. е. становлению ботанической номенклатуры. На начальном этапе своего существования данная номенклатура не подчинена требованиям научной систематизации. Она строится, исходя из эмпирических наблюдений, практических нужд и этнокультурных представлений человека. На уровне языка номенклатура представляет собой совокупность диалектных и иногда наддиалектных фитонимов, что позволяет обозначить ее как народную ботаническую номенклатуру.

Объем, состав и детализованность подобной номенклатуры варьируются в зависимости от условий проживания этноса и структурных особенностей его языка. Однако универсальной частью любой народной ботанической номенклатуры являются наименования растений, данные по месту их произрастания. Именование по признаку места – топонимическая номинация – происходит под влиянием двух факторов: во-первых, особенностей ареала проживания этноса, во-вторых, этнокультурных представлений об этом ареале. Одним из наиболее этнокультурно обусловленных способов топонимической номинации растений является метонимический перенос «животное → растение».

Исследование топонимической номинации фитонимов, образованных от названий животных, проводилось на материале русской и немецкой народных ботанических номенклатур. Общая выборка составила около 340 фитонимов (около 100 русских и 240 немецких). Наиболее частым основани-

ем метонимического переноса в обеих номенклатурах явилось совпадение мест произрастания растений и мест обитания животных. В частности, русские и немецкие диалектоносители классифицируют окружающие растения по пяти топонимам в зависимости от населяющих их животных: 1) лес; 2) луг и поле; 3) вода; 4) болото; 5) затененное место.

Лес в культуре русских и немцев – это место обитания, традиционно отводимое волку и медведю [1 (3), с. 211, 214–214; 2 (9), с. 717]. Многие лесные растения, особенно ягоды, получают «медвежьи» и «волчьи» названия. Например, толокнянка (*Arctostaphylos uva-ursi* (L.) Spreng.) именуется сиб. *медвежий виноград*, тв. *волчья ягода*, том. *ведмежьи ушки*, ур. *медведильник*, в.-нем. *Wolfsbeere*, швейц. *Bäre-Beri, Bären-Chris* [3, с. 63]. Схожие названия носят папоротники (*Polypodiophyta*): владим. *волчья трава*, рус. *звериньи лапки* и некоторые мхи, например, кукушкин лен (*Polytrichum commune* Hedw.): в.-нем. *Bärenmoos, Wolffsgerste*. Кроме медведя и волка знаковым лесным животным для русских является лось [4, с. 41], для немцев – лис [2 (3), с. 178]. Например, в говорах Сибири хвощи (*Equisetum arvense* L., *E. sylvaticum* L.) называют забайк., сиб. *сохатинной травой*. В центральных и южнонемецких диалектах лесные ягоды обозначаются швейц. *Fuchsberi* (брусника *Vaccinium vitis-idaea* L.) и сред.-нем. *Foßbeeren* (ежевика сизая *Rubus caesius* L.) [3, с. 63].

Луг и поле считаются местами обитания птиц и насекомых. Анализ русской народной ботанической номенклатуры показывает, что одной из таких птиц является дятел. Например, высокая луговая трава во владимирском и калужском говорах зовется *дятлиной, дятлевником* [5 (8), с. 309]; луговые васильки (*Centaurea jacea* L., *C. scabiosa* L.) получают названия каз. *репейник-дятловник*, петербург. *дятловка*. Нелогичность подобной топонимической номинации объясняется влиянием внутриязыковых процессов и структурными изменениями в русской номенклатуре: указанные наименования развились вследствие расширения значения надди-

алектного фитонима рус. *дятлина*, который обозначает частое растение лугов и полей – клевер (*Trifolium* L.). Будучи изначально мотивированным внешним сходством клевера с горохом [6, с. 88–90], фитоним постепенно меняет свою внешнюю форму и переосмысливается по наиболее примечательному признаку называемого им растения – месту произрастания, что затем приводит к расширению семантики и межвидовому переносу наименования. В немецкой народной ботанической номенклатуре растения луга и поля соотносятся с жаворонком, пчелой, муравьем, сверчком и ящерицей. От наименований указанных животных образованы, например, названия клевера (*Trifolium campestre* Schreb.): вост.-ниж.-нем. *Lerkenklewer*, трясушки (*Briza media* L.): юж.-нем. *Imenbrot*, пастушьей сумки (*Capsella bursa-pastoris* (L.) Medik.): швейц. *Ambeissi-Chrut*, тысячелистника (*Achillea millefolium* L.): сред.-бав. *Grillenkraut*, шалфея (*Salvia pratensis* L.): санкт-гал. *Hexgi-Maia*.

Зачастую место произрастания невозможно ограничить одним ареалом. Многие растения встречаются как на лугу и в поле, так и в лесу. Лучшей возможностью отразить данную особенность является топонимическая номинация посредством названий животных, обитающих в аналогичных ареалах. В русской и немецкой этнокультурах такими животными считаются заяц и олень, что подтверждают названия различных лесных и полевых/луговых трав, ягод, мхов и кустарников. Например, «заячьи» названия в народных номенклатурах обоих языков носят майник (*Maianthemum bifolium* (L.) F.W. Schmidt): вят. *зайковы ягодки*, калуж. *заячий цвет*, новгор. *заячья кровь*, тв. *заячья соль*, том. *заячья кануста*, юж.-нем. *Hasenbeerstäudlein* и дрок (*Genista tinctoria* L.): сев.-рус. *заячий горох*, гор.-силез. *Hosakrettich*, ниж.-нем. *Hasenheide*. В псковском и тверском говорах *заячьей киселкой* обозначается растение, встречающееся на лугу и в березовом лесу [5 (10), с. 110]. В южнонемецких диалектах «заячьи» названия даются различным ягодам, например, землянике (*Fragaria vesca* L.): бав. *Hasenbeer* и костянике (*Rubus saxatilis* L.): бад., шваб., юж.-франк. *Huosebier*.

«Оленьи» названия получают в основном лесные и полевые кустарники. В русской номенклатуре отмечается одно соответствующее наименование: сиб. *маральник* (рододендрон даурский *Rhododendron dauricum* L.). В немецкой номенклатуре примером подобной топонимической номинации служат названия самых разнообразных растений – не только кустарников типа боярышника (*Crataegus rhipidophylla* Gand.): юж.-бав. *Hirschdoarn*, бузины (*Sambucus racemosa* L.): юж.-бав. *Hirschholler*, дрока (*Genista tinctoria* L.): в.-нем. *Rehheide*, *Rehkrout* и малины (*Rubus idaeus* L.):

в.-нем. *Himbeere*, ниж.-нем. *Hintberi*, но и некоторых трав, например, клевера (*Trifolium campestre* Schreb.): ниж.-саксон. *Rehklewer* и медуницы (*Pulmonaria officinalis* L.): силез. *Hirschmangolt*. Отличие топонимической номинации лесных и луговых/полевых растений в немецкой номенклатуре состоит и в том, что место их произрастания может соотноситься также с кукушкой, ср. швейцарские названия барбариса (*Berberis vulgaris* L.): *Hase-Brot*, *Hasen-Chrut* и *Gugger-Brot*, *Gugger-Chrut*.

Особенно разнообразно в ботанических номенклатурах обоих языков представлена топонимическая номинация водных и влаголюбивых растений. Среди животных, которым в русской и немецкой этнокультурах отводится соответствующее место обитания, в первую очередь выделяются лягушка, жаба и змея [1 (3), с. 162–163; 2 (3), с. 124–126; 4, с. 289; 6, с. 41–43]. Например, водокрас (*Hydrocharis morsus-ranae* L.) носит названия рус. *лягушечник*, в.-нем. *Froschbiß*, *Krötenbiß*, вост.-фриз. *Poggengeld*. В олонецком говоре *гажлой* называются водные растения вообще [5 (6), с. 93]. В вестфальском диалекте белоцветная кувшинка (*Nymphaea alba* L.) обозначается *witte Otterblome*, а похожая на нее желтоцветная кубышка (*Nuphar lutea* (L.) Sm.) – *gelbe Otterblome*. Некоторые фитонимы образованы от названий водных птиц – утки и лебедя, например, рус. *утиная трава*, ниж.-нем. *Antengras*, швейц. *Entengras* (манник плавающий *Glyceria fluitans* (L.) R. Br.), в.-нем. *Schwanenhals* (лобелия Дортмана *Lobelia dortmanna* L.), олонец. *лебедушки* (кувшинка белая *Nymphaea alba* L.). Анализ названий камыша (*Schoenoplectus lacustris* (L.) Palla): тоб. *гусятник*, стрелолиста (*Sagittaria sagittifolia* L.): дон. *гусиные лапки* и водяного ириса (*Iris pseudacorus* L.): олонец. *журавлиный горох* показывает, что в русской этнокультуре водными птицами считаются также гусь и журавль. В немецкой номенклатуре место произрастания водяного ириса (*Iris pseudacorus* L.) соотносится с топосом аиста: любек. *Adebarsnipp*, ниж.-нем. *Storksblom*, *Adebarsbrod*, ниж.-саксон. *Heilebartsblaume*. Кроме того, в нижненемецких диалектах выявлено следующее название сердечника (*Cardamine pratensis* L.) – *Kimetsblome*, т. е. «цветок чибиса».

Топонимической номинации подвергаются растения, растущие на поверхности воды и под водой, например, ряска (*Lemna* L.): рус. *утиная трава*, смол. *лягушечья дерюжка*, шлезвиг. *Ahntenflott*, ниж.-нем. *Peddemoß*, швейц. *Chrotten-Chrös* и водоросли (*Algae*): рус. *лягушечий шелк*, ниж.-нем. *Poggenschäet*, сред.-бав. *Frosch-Gschledarat*. В качестве номинативной основы для метонимических переносов часто служат наименования рыб, червей и пиявок, ср. русские и немецкие названия рдеста (*Potamogeton* L.): том. *щучья трава*, ниж.-нем.

Hechtlock, ниж.-саксон. *Aalkruud*, швейц. *Eglichrut*, юж.-нем. *Fischblad*. Наконец, наименования животных, обитающих в воде и возле воды, – бобра и рака – выявлены в названиях прибрежных растений – вахты (*Menyanthes trifoliata* L.): арханг. *бобровник*, в.-нем. *Biberklee*, телореза (*Stratiotes aloides* L.): в.-нем. *Krebsschere*, сабельника (*Comarum palustre* L.): сев.-рус. *раковник*.

Болото представлено в русской и немецкой этнокультурах как неприятное, зловещее место [1 (1), с. 228–229; 2 (8), с. 603–604], населенное нечистыми, опасными животными – змеями и червями (пиявками), лягушками и жабами [1 (3), с. 162; 2 (5), с. 608–635, (7), с. 1135]. Таким образом, при метонимической номинации болотных растений свою роль играют не только фактические знания, но и этнокультурные представления об этих животных. Например, в русских говорах отмечаются следующие фитонимы: калуж. *ужсин* ‘болотное растение’, олонец. *гажлы* ‘род тростника, растущего в заболочиваемых озерах’, пск. *власик* ‘болотная трава’. «Лягушачьи» и «жабьи» названия в обеих номенклатурах получают ядовитые болотные лютики: рус. *лягушечник*, *жабник* (лютик жгучий *Ranunculus flammula* L.), в.-нем. *Fröscheblum*, *Froschpfeffer*, швейц. *Chrotten-Chrös* (лютик водяной *Ranunculus aquatilis* L.) и другие виды. В целом многие травянистые болотные растения носят соответствующие названия в том числе из-за своей ядовитости. Например, ядовитый для овец белозор (*Parnassia palustris* L.) [7, с. 173–174] в нижегородском говоре называется *лягушечником*, в нижненемецких диалектах – *Ihlenblom*, т. е. «пиявкиным цветком».

Место произрастания болотных ягод в обеих номенклатурах соотносится с местом обитания птиц [3, с. 63]. Например, клюква (*Vaccinium oxycoccos* L.) называется «журавлиной ягодой»: брян. *журавини*, новгор. *журавичина* ‘ягода клюквы’, пск., тв. *журавинник* ‘место, поросшее клюквой’, малорос. *журавиха*, в.-нем. *Kranichbeere*, перед.-помер. *Kramsbeeren*. Немецкие диалектоносители к болотным птицам относят также чибиса: шваб. *Kubitzfett* (жирянка обыкновенная *Pinguicula vulgaris* L.); русские – вóрона и ворóну – кир. *вороний глаз*, *вороньи глаза* ‘трава, растущая на болотах’. В последнем случае ведущую роль при выборе номинативной основы метонимического переноса сыграли этнокультурные представления русских о вóроне как нечистой птице, предвещающей несчастье, смерть [4, с. 530, 556]. В русской номенклатуре болотные растения могут, кроме того, получать «заячьи» наименования, например, бодяк (*Cirsium palustre* L.) Coss. ex Scop.) называется нижегор. *зайчики*, болотная фиалка (*Viola epipsila* Ledeb.) – тв. *заячья капуста*; в смоленском говоре *зайчиковой капустой* именуют любые болотные растения

[5 (10), с. 110]. Соотнесение болотных растений именно с зайцем объясняется этнокультурной символикой этого животного [4, с. 180].

Для номинации растений, произрастающих в темных, затененных местах, используются названия опасных, нечистых, хтонических животных. В русской этнокультуре это волк, змея и сорока, окруженные разнообразными апотропейными ритуалами [1 (1), с. 414–416, (2), с. 338]. Среди растений, подвергающихся подобной топонимической номинации, особенно выделяются папоротники (*Polypodiophyta*): владим. *волчья трава*, петербург. *волчьи зубы*, олонец. *гажья трава*, вят. *аспидник*. В вологодском говоре *сорочкой* называют любую траву, встречающуюся в темных местах [5 (40), с. 36]. В немецкой этнокультуре схожими свойствами, кроме змеи, наделяются жаба и лягушка [2 (5), с. 608–635, (7), с. 1135], что объясняет соответствующие метонимические переносы. Так, «змеиные» названия получают папоротники (*Polypodiophyta*): вост.-фриз. *Adderledder*, ольденбург. *Slangkrut*, в.-нем. *Natternfarn*, *Ottig*, ниж.-саксон. *Snäkenblätter*, остф. *Snäkenkruud*, богем. *Nodernkraut*, гор.-силез. *Otternkrettich*, эльзас. *Schlänge(n)krut*. «Жабьими» и «лягушачьими» в немецкой номенклатуре называются растения, дающие хорошую тень, например, белокопытник (*Petasites hybridus* (L.) G. Gaertn., V. Mey. & Scherb.) в люксембургском диалекте именуется *Mokenpreple*, т. е. «жабий зонтик»; селезеночник (*Chrysosplenium alternifolium* L.) в верхне-немецких диалектах сравнивается с лягушачьей пастью: алеман. *Fröschamüli*, бав. *Froschgöschlein*.

Кроме пяти общих топосов, в русской и немецкой номенклатурах отражено по одному специфическому топосу. Потребность в его языковом воплощении обусловлена отличиями в ареалах обитания русского и немецкого этносов. В русской номенклатуре шестым топосом является степь, которая представляется местом обитания сайгака. Например, растущая в степи франкенция (*Frankenia hirsuta* L.) носит название рус. *сайгачья трава*. В немецкой номенклатуре шестым топосом являются горы. Среди обитающих там животных особое место отводится серне. Подобная топонимическая номинация отмечена только в южнонемецких диалектах, что объясняется областью их распространения. Различные горные растения альпийской флоры, например, астра (*Aster alpinus* L.): юж.-нем. *blaue Gemsblüh*, мятлик (*Poa alpina* L.): швейц. *Gämschgras*, нивяник (*Leucanthemopsis alpina* (L.) Heywood): юж.-нем. *weiße Gamswurz*, беквичия (*Beckwithia glacialis* (L.) Á. Löve & D. Löve): юж.-нем. *Gamskreß* и многие другие названы именно по совпадению своего топоса с местом обитания серны. Метонимический перенос такого типа настолько продуктивен, что использу-

ется как способ номинации, если возникает потребность в создании названия для неизвестного ранее горного растения [7, с. 163].

Дальнейший анализ топологической номинации в рамках русской и немецкой народных ботанических номенклатур показывает, что основанием метонимического переноса «животное → растение» может становиться не только совпадение мест произрастания растений с местами обитания животных, но и соотносительность топосов растений с местами укрытия, пребывания (передвижения), выпаса и размножения животных. Подобная номинация представлена в исследуемых номенклатурах неравномерно. Примерами фитонимов, отражающих совпадение мест произрастания растений и мест укрытия животных, в русском и немецком языках являются названия карликовых ив (*Salix lapponum* L., *S. repens* L., *S. reticulata* L.), под которыми прячутся куропатки: тоб. *куропатник*, сред.-бав. *Schneehünlweid*. В немецкой номенклатуре наименования в.-нем. *Schneckablatter* и санкт-гал. *Schnäggablätter* даны лопуху (*Arctium* L.) и мать-и-мачехе (*Tussilago farfara* L.), поскольку их листья представляют собой хорошее укрытие для улиток. Различными языковыми средствами в русском и немецком языках отражается совпадение топосов растений с местами пребывания (передвижения) животных. Например, в русских говорах названия *конотоп*, *конотопка* и т. п. получают «придорожные» растения – подорожник (*Plantago* L.), горец (*Polygonum* L.) и вероника (*Veronica chamaedrys* L.), поскольку они растут там, где «кони топчут». Посредством немецких фитонимов сред.-бав. *Sauwühl* и ниж.-нем. *Swinekrou* места произрастания лапчатки (*Potentilla anserina* L.) и жарновца (*Cytisus scoparius* (L.) Link) соотносятся с типичными местами свиных лежбищ [7, с. 87, 177].

Совпадение топосов растений с местами выпаса и местами размножения животных отражено только в немецкой народной ботанической номенклатуре. В первом случае для номинации привлекаются названия домашних животных и птиц – козы, коровы, овцы, лошади и гуся. Наименования такого рода получают различные орхидеи, встречающиеся на пастбищах [7, с. 176–177, 207], например, кокушник (*Gymnadenia nigra* (L.) Rchb. f.): швейц. *Chue-Brändli*, *Schaf-Brändli*, ятрышники (*Orchis mascula* (L.) L., *Anacamptis morio* (L.) R. M. Bateman, Pridgeon & M. W. Chase): швейц. *Roßbluetä* и некоторые другие. Маргаритка (*Bellis perennis* L.), в обилии встречающаяся на гусиных лужках [8, с. 101–102], носит

названия юж.-нем. *Gansbleamla*, в.-нем. *Goaesekrut*, *Gänsrösarl*, эльзас. *Gänsemaie*. Топос некоторых подводных растений соотносится с местом, где карпы и лещи мечут икру [7, с. 166], ср. названия полужника (*Isoetes lacustris* L.): в.-нем. *Brachsenfarn*, *Brachsengras*, *Karpfenkraut*.

Анализ топологической номинации растений посредством метонимического переноса «животное → растение» в русском и немецком языках выявил не только ряд общих и специфических номинативных оснований такого переноса, но и высокую долю совпадений в выборе языковых средств для его реализации. Общими номинативными основаниями являются совпадение места произрастания растения с местом обитания, местом укрытия и местом пребывания (передвижения) животного. Совпадение топоса растения с местом выпаса и местом размножения животного является специфическим номинативным основанием, выявленным только в немецкой народной ботанической номенклатуре. Сходства и расхождения в использовании языковых средств обусловлены не только особенностями языковых структур, но и этнокультурными представлениями русских и немцев. Например, общность символики таких животных и птиц, как волк, медведь, олень, заяц, змея, лягушка, жаба, утка, лебедь и журавль, в русской и немецкой этнокультурах объясняет использование их наименований для отражения аналогичных топологических характеристик растений. Различия в ареалах обитания русского и немецкого этносов, в значимости и символике определенных животных придают исследуемым ботаническим номенклатурам их этнокультурную уникальность. Например, в русской номенклатуре растения именуются по топосам лося, дятла, вороны/ворона, сороки; в немецкой – по топосам серны, лиса, кукушки, аиста, свиньи, коровы, овцы и козы.

В заключение необходимо подчеркнуть, что универсальный характер топологической номинации растений не только позволяет проводить сопоставительные исследования фитонимов на материале различных языков, но и предоставляет возможность проследить этнокультурную обусловленность такой номинации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-34-01226 а2 «Этнокультурная специфика образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чулымско-тюркского и русского этносов в условиях контактного взаимодействия».

Список литературы

1. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения (Институт славяноведения РАН). Т. 1, 1995. 578 с.; Т. 2, 1999. 697 с.; Т. 3, 2004. 697 с.

2. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens: in 9 bd. / hrsg. unter besonderer Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer und Mitarbeit zahlreicher Fachgenossen von H. Bächtold-Stäubli. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co, 1929–1930. Bd. 2. 1778 s.; 1930–1931. Bd. 3. 1920 s.; 1932–1933. Bd. 5. 1872 s.; 1935–1936. Bd. 7. 1712 s.; 1936–1937. Bd. 8. 1762 s.
3. Моисеева Е. Ю. Отражение народных представлений о животном мире в наименованиях ягод (на материале русского и немецкого языков) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 10 (163). С. 62–68.
4. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
5. Словарь русских народных говоров / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Наука, 1970. Т. 6. 358 с.; 1972. Т. 8. 369 с.; 1974. Т. 10. 388 с.; 2006. Т. 40. 347 с.
6. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 260 с.
7. Marzell H. Die Tiere in deutschen Pflanzennamen: Ein botanischer Beitrag zum deutschen Sprachschätze. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1913. 235 s.
8. Sauerhoff F. Etymologisches Wörterbuch der Pflanzennamen: Die Herkunft der wissenschaftlichen, deutschen, englischen und französischen Namen. Stuttgart: Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft mbH, 2003. 779 s.

Принятые сокращения

алеман. – алеманнский, арханг. – архангельский, бав. – баварский, бад. – баденский, богем. – богемский, брян. – брянский, в.-нем. – верхненемецкий, владим. – владимирский, вост.-ниж.-нем. – восточнонижненемецкий, вост.-фриз. – восточнофризский, вят. – вятский, гор.-силез. – горносилезский, дон. – донской, забайк. – забайкальский, каз. – казанский, калуж. – калужский, любек. – любекский, малорос. – малороссийский, ниж.-нем. – нижненемецкий, ниж.-саксон. – нижнесаксонский, нижегор. – нижегородский, новгор. – новгородский, олонек. – олонекский, ольденбург. – ольденбургский, остф. – остфальский, перед.-помер. – переднепомеранский, петербург. – петербургский, пск. – псковский, рус. – русский, санкт-гал. – санкт-галленский, сев.-рус. – северорусский, сиб. – сибирский, силез. – силезский, смол. – смоленский, сред.-бав. – среднебаварский, сред.-нем. – средненемецкий, тв. – тверской, тоб. – тобольский, том. – томский, ур. – уральский, шваб. – швабский, швейц. – швейцарский, шлезвиг. – шлезвигский, эльзас. – эльзасский, юж.-бав. – южнобаварский, юж.-нем. – южнонемецкий, юж.-франк. – южнофранкский.

Юрченкова (Моисеева) Е. Ю., старший преподаватель.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: e.ju.jurchenkova@gmail.com

Материал поступил в редакцию 07.09.2016.

E. Yu. Yurchenkova

ON THE ETHNOCULTURAL BACKGROUND OF THE PLANT NAMES MOTIVATED BY THEIR HABITAT (BASED ON RUSSIAN AND GERMAN DATA)

The article deals with the plant names motivated by their habitat. The study relies on regional and common names that belong to Russian and German traditional nomenclatures of plants and derive from animal names by a metonymic transfer. The author reveals common and particular bases of such transfer. First of all, the transfer may take place in both Russian and German if habitat of a plant concurs with habitat of an animal. Such correlation implies seven coincident habitats. Five of them are common in Russian and German. They are 1) woods, 2) fields and meadows, 3) waters, 4) marshes and 5) shadow places. The one habitat specific in Russian is steppe; the one specific in German is rocks and mountains. The other common bases of metonymic transfer are 'habitat of a plant concurs with shelter of an animal, and concurs with a place animal usually prefers to stay or visit. To the specific German bases belong the following two: habitat of a plant concurs with pasture of an animal; and habitat of a plant concurs with a place for animal to breed. Another aim of the article is to show how important the ethnocultural background is for plants' nomination. Common symbolism in Russian and German ethnocultures have such animals and birds like wolf, bear, deer, hare, snake, frog, toad, duck, swan and crane. That is the reason plants with similar habitat have similar names in both languages. Different ethnocultural meaning have elk, woodpecker, raven, crow and magpie (in Russian); as well as chamois, fox, cuckoo, stork, swine, cow, sheep and goat (in German).

Key words: *nomination, habitat, metonymic transfer, plant name, animal name, ethnoculture, the traditional nomenclature of plants.*

References

1. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvistiicheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Tolstoy N. I. (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences), Vol. 1, 1995. 578 p.; Vol. 2, 1999. 697 p.; Vol. 3, 2004. 697 p. (in Russian).

2. *Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens* [Pocket Lexicon of German Superstition]. Hoffmann-Krayer E., Bächtold-Stäubli H. (Eds.). Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter & Co, Vol. 2, 1929–1930. 1778 p.; Vol. 3, 1930–1931. 1920 p.; Vol. 5, 1932–1933. 1872 p.; Vol. 7, 1935–1936. 1712 p.; Vol. 8, 1936–1937. 1762 p.
3. Moiseeva E. Yu. Otrazheniye narodnykh predstavleniy o zhivotnom mire v naimenovaniyakh yagod (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Berry Names as a Reflection of the Folk Notions of Animal World (Based on Russian and German Data)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2015, no. 10 (163), pp. 62–68 (in Russian).
4. Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [The Symbolism of Animals in Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (in Russian).
5. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dialectal Dictionary of the Russian Language]. Sankt-Petersburg, Nauka Publ., Vol. 6, 1970. 358 p.; Vol. 8, 1972. 369 p.; Vol. 10, 1974. 388 p.; Vol. 40, 2006. 347 p. (in Russian).
6. Merkulova V. A. *Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy* [Essays on Russian Folk Nomenclature of Plants]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 260 p. (in Russian).
7. Marzell H. *Die Tiere in deutschen Pflanzennamen: Ein botanischer Beitrag zum deutschen Sprachschätze* [Animals in German Plant Names: A Botanical Contribution to German Vocabulary]. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1913. 235 p.
8. Sauerhoff F. *Etymologisches Wörterbuch der Pflanzennamen: Die Herkunft der wissenschaftlichen, deutschen, englischen und französischen Namen* [An Etymological Dictionary of Plant Names: The Origin of Scientific, German, English and French Names]. Stuttgart, Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft mbH, 2003. 779 p.

Yurchenkova (Moiseeva) E. Yu.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: e.ju.jurchenkova@gmail.com